

А. Николов
(Софийский университет)

МЕСТО И РОЛЬ БОЛГАРИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛЕМИКЕ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА ПРОТИВ КАТОЛИЧЕСКОГО ЗАПАДА (на основе славянских переводных и оригинальных текстов XI–XIV вв.)

В докладе изложены основные этапы формирования корпуса славянских противокатолических сочинений в период XI–XIV вв. на Балканах в контексте взаимоотношений болгарского архиепископа Охридского (который заменил Болгарский Патриархат после завоевания Болгарии Византией в 1018 г.) и Рима, а также Болгарского царства (с 1185 года) и Византии. Изначально основу корпуса составляли материалы Великой схизмы 1054 г. и другие связанные с этим византийские противокатолические тексты начиная со второй половины XI века в славянском переводе. Появление и быстрое распространение этих сочинений свидетельствует о стремлении византийского священноначалия упрочить верность своей болгарской паствы православию и империи. После возрождения православия и восстановления Болгарского Патриархата в 1235 г. в Болгарии появились новые переводы и несколько оригинальных противокатолических сочинений. Очевидно, в последней четверти XIII века собрание таких текстов было составлено в ответ на унию Михаила VIII Палеолога с Римской Церковью, заключенную в Лионе в 1274 году. Рукописные сборники, содержащие эту подборку текстов, переписывались и пользовались популярностью в Болгарии, Сербии и России начиная с XIV века.

Еще со времен своей христианизации (864–866) Болгария заняла специфическое место в отношениях между Константинополем и Римом. За первоначальным решением хана Бориса (852–889; ум. 907) принять святое крещение от Византии последовал драматический переход Болгарии в сферу влияния Рима. Изгнание византийских священников из страны и установление папской миссии в столичном городе Плиска вызвало гнев и возмущение в имперских кругах. Патриарх Фотий (858–867; 877–886), легитимность которого категорически оспаривалась папой Николаем I (858–867), созвал весной 867 г. собор в Константинополе. В своем окружном послании к восточному духовенству патриарх подчеркивал, что «Царствующий город» является источником православия, из которого изливаются «во все концы обитаемого мира чистые потоки благочестия и, подобно рекам, напояют догматами находящиеся там души...»¹. По замыслу Фотия, собор должен был осудить не только некоторые традиционные для Западной церкви обычаи (субботний пост, безбрачие священников и пр.), которых миссионеры Рима заставляли придерживаться новопросвещенных болгар, но и проповедованное болгарам «епископами мрака» добавление *Filioque* к Символу веры, охарактеризованное как «хула против Святого Духа, или скорее против всей Святой Троицы», достойная неисчислимым анафем. Так, само крещение болгар и вопрос о церковной юрисдикции над Болгарией немало способствовали разгоранию наиболее ожесточенного конфликта по ряду обрядовых и догматических вопросов между Константинополем и Римом за период между серединой IX и началом XI в.

Почти 200 лет спустя, в 1053 г., архиепископ «всей Болгарии» Лев Охридский (1037–1056) послал Иоанну, епископу Трани в Апулии, письмо, в котором в резком тоне осуждались уклонения Западной церкви от православия². Как отмечал М. Чельцов, это послание стало «первым официальным вызовом латинянам со стороны греков на борьбу с ними по вопросу об опресноках», и его следует рассматривать как своеобразное окружное послание, адресованное как епископам и священникам «франков», так и самому папе Льву IX (1048–1054)³. По существу, полемическое выступление Льва Охридского дало ход событиям, которые привели к Великой схизме 1054 г.⁴

Активное участие предстоятеля Болгарской архиепископии в полемике между Константинополем и Римом в середине XI в. было фактом не случайным, и он нуждается в специальном объяснении. Обширные территории болгарского диоцеза лежали преимущественно в центральных и западных пределах Балканского полуострова, в пределах древней церковной провинции Илирик, которая была изъята из юрисдикции Римской церкви волею первого императора-иконоборца Льва III Исавра (717–741). Уничтожение Болгарского царства в 1018 г. Василием II (976–1025) вернуло эти земли под прямой контроль империи. И хотя Византия

¹ Photius. Epistulae et Amphilochia / В. Laourdas, G. Westerink, eds. Lipsiae, 1983. Vol. 1. P. 41.

² Will C. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo compositae extant. Lipsiae et Marburgi, 1861. P. 56–60 (греческий текст), 60–64 (латинский перевод). Автор нового критического издания послания Е. Бютнер считает, что оно было отправлено папе через посредничество архиепископа (патриарха) Венеции Доминика: Bittner E. Erzbischof Leon von Ohrid (1037–1056). Leben und Werk (mit den Texten seiner bisher unedierten asketischen Schrift und seiner drei Briefe an den Papst). Bamberg, 2007. S. 42–43. Новейший разбор послания: Бармин А. Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 127–129.

³ Чельцов М. Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI–XII вв. СПб, 1879. С. 57–58.

⁴ Еще А. Лебедев, как и ряд других исследователей, считал, что инициатором этого послания являлся сам патриарх Михаил Керуларий (1043–1058), «а изложено оно и отправлено Львом Охридским из Болгарии для большей внушительности: этим хотели дать знать Римской церкви, что даже и Болгария, на которую со времен папы Николая I папы предьявляли какие-то права духовной власти, и та не хочет молчать о заблуждениях Латинской Церкви» (Лебедев А. История разделения церквей. М., 2005. С. 517–518. Прим. 384).

на протяжении XI в. не имела реального соперника в зоне Западных Балкан, предстоятели Болгарской архиепископии в Охриде, заменившей (а по существу унаследовавшей) Болгарскую патриархию⁵, приложили немало стараний, чтобы укрепить свою легитимность, которую Рим мог рано или поздно оспорить⁶.

Некоторые аспекты этой проблематики — как, например, отразившаяся в ряде текстов XII—XIII вв. теория о прямой преемственности между учрежденной императором Юстинианом Великим автономной архиепископией «Justiniana Prima» и Охридской архиепископией «всей Болгарии» — нашли подробное освещение в научной литературе⁷. Но мы обладаем и весьма любопытным свидетельством о том, что вопрос о взаимоотношениях между Охридом и Римом вызывал напряжение среди византийской церковной элиты еще до Великой схизмы. Вскоре после своего приезда в Охрид в 1037 г. первый архиепископ Болгарии «из ромеев» (т. е. греческого, неболгарского происхождения) Лев приказал построить новый кафедральный собор Св. Софии, на стенах которого были изображены не только наиболее почитаемые греческие Отцы Церкви и просветители славян Кирилл и Мефодий, но и шестеро древних римских пап⁸. Этот факт, беспрецедентный в византийской традиции, можно объяснить осознанием архиепископом Болгарии былой принадлежности земель его диоцеза к юрисдикции Рима. С другой стороны, страстность более поздних полемических выступлений Льва против прегрешений латинян выдает его желание категорически отмежеваться от современного ему папства, которое порвало с завещанными стариной православными правилами и традициями. Таким образом, между его преимущественно славяно-болгарской паствой и миром западных христиан должен был пасть труднопреодолимый духовный барьер, что хорошо гармонировало с идеей о нерушимости имперской власти над новоотвоєванными землями византийского Запада.

Следует отметить, что греческие иерархи Охридской архиепископии рассматривали православие как важное средство приобщения к имперскому режиму населения в пределах недавно присоединенного к Византии Болгарского царства⁹. Антилатинская пропаганда, которая разгорелась с новой силой в связи с первыми крестовыми походами, способствовала сплочению болгар вокруг религиозных ценностей, источником которых был Константинополь.¹⁰

Как я уже постарался показать недавно, инструментом этой политики стала масштабная деятельность по изготовлению и распространению переводов ряда полемических текстов против ереси латинян с греческого на славянский язык, развернутая в западноболгарских монастырских центрах во второй половине XI—XII вв.¹¹, вероятней всего в непосредственной связи с переходом отправляющихся на Восток крестонос-

⁵ *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия. София, 1995. Т. 1. С. 52–63; *Литаврин Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 352–358; *Он же.* Христианство в Болгарии в 927–1018 гг. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Б. Флоря, ред. М., 2002. С. 140–148.

⁶ См.: *Чешмеджиев Д.* Култовете на българските светци през XI—XII в. // Научни трудове на Пловдивския университет «Паисий Хилендарски». 2003. Т. 41. Кн. 1. С. 501.

⁷ *Prinzinger G.* Entstehung und Rezeption der Justiniana-Prima-Theorie im Mittelalter // *Byzantinobulgarica*. 1978. Т. 5. P. 273–277; *Тънкова-Заимова В.* Дюканжов списък // *Palaeobulgarica*. 2000. № 3. С. 28 сл.; *Naxidou E.* An Aspect of the Medieval History of the Archbishopric of Ohrid: its Connection with Justiniana Prima // *Byzantinoslavica*. 2006. Vol. 64. P. 153–167.

⁸ *Грозданов Ц.* Големият расцеп меѓу Рим и Византија од 1054 година и неговите одраз во фреските на црквата Св. Софија во Охрид // Предавања на XXIII Семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје и Охрид, 3–22. VIII. 1990 година. Скопје, 1991. С. 119–124; *Чешмеджиев.* Цит. соч. С. 500.

⁹ Относително роли Охридской архиепископии в планах византийских властей и активного использования славянского культурного наследия в тесной связи с политикой империи и в ее интересах, см.: *Литаврин.* Болгария и Византия... С. 351, 365–366, 369; *Он же.* Условия развития болгарской культуры в XI—XII вв. // История и культура Болгарии. М., 1981. С. 299; *Станковић, В.* Цариградски патријарси и цареви Македонске династије. Београд, 2003. С. 177.

¹⁰ Весьма показательно, например, что охридский архиепископ Феофилакт воспроизвел ряд положений своего полемического трактата «В чем обвиняют латинян» в написанном им житии Климента Охридского (+916) при описании религиозных прений между ближайшими учениками св. Мефодия и немецким духовенством в Великой Моравии в 885 г.: *Милев А.* Гръцките жития на Климент Охридски. София, 1966. С. 46–47. Впрочем, есть основания утверждать, что антизападные настроения распространились в Болгарии еще до ее покорения Византией. По словам Г. Литаврина, «... в раннеболгарской книжности главное внимание уделялось истории преследований Мефодия и гонений на его учеников со стороны немецкого духовенства в Великой Моравии и так называемой догме „триязычия“ латинян, признававших священными только древнееврейский, греческий и латинский языки и отказывавших в равноправии с ними церковнославянскому. Колеблющаяся позиция папства по вопросу о триязычии и гонения латинян на учеников Кирилла и Мефодия дискредитировали Западную церковь в глазах болгарской знати, светской и особенно духовной» (*Литаврин.* Христианство в Болгарии... С. 185).

¹¹ *Nikolov A.* «A Useful Tale» about the Latins: An Old Bulgarian Translation of a Lost Byzantine Anti-Latin Text of the End of 11th — Early 12th Century // *Scripta & e-Scripta*. 2003. Vol. 1. P. 99–119. См. также: *Он же.* Mediaeval Slavonic Anti-Catholic Texts from the Manuscript Collection of the Romanian Academy // *New Europe College Regional Program 2003–2004, 2004–2005*. Bucharest, 2007. P. 261–290. Предложенная реконструкция истории раннего цикла славянских переводов византийских антикатолических сочинений влечет за собой необходимость переосмыслить тезис, согласно которому книжные контакты Охрида с Русью осуществлялись на неофициальном уровне, хотя западноболгарские оригиналы этих переводов могли копироваться и восточнославянскими книжниками в скрипториях Константинополя, Афона, Олимпа и др. центров православного монашества (*Флоря Б., Турилов А., Иванов С.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб, 2000. С. 139).

ных войск через болгарские земли в 1096–1101 г.¹². Можно полагать, что именно в этот период сложилось первоначальное ядро корпуса славянских антикатолических текстов, который очень быстро нашел распространение в Древней Руси и постепенно дополнялся и «обогащался» в последующие столетия новыми произведениями южнославянских и русских переводчиков и книжников. Несмотря на относительно слабую разработанность вопроса¹³, к этому первоначальному корпусу можно отнести своеобразное «досье» Схизмы 1054 г., которое включает переводы третьего послания Льва Охридского о опресноках, приписанное более поздними славянскими переписчиками Петру Антиохийскому, послание архиепископа Венеции Доминика Петру Антиохийскому и ответ Петра, послание константинопольского патриарха Михаила Керулария патриарху Петру Антиохийскому и ответное послание Петра Антиохийского, а также антилатинский раздел «Тактика» Никона Черногорца, «Повесть полезная об отлучении латинян», «Сказание вкратце» о том же и «Повесть о фрягах и прочих латинех», приписываемая иногда патриарху Фотию¹⁴.

* * *

Новый этап в дальнейшем обогащении корпуса славянских антикатолических текстов на Балканах наступил после восстановления Болгарской патриархии на церковном соборе в г. Лампсаке в 1235 г., которое ознаменовало и окончательный разрыв унии между Римом и Болгарским царством, заключенной в 1204 г. по сугубо политическим соображениям царем Калояном (1197–1207) с папой Иннокентием III (1198–1216)¹⁵. Важно отметить, что торжественный акт 1235 г., сопровождаемый заключением военно-политического союза между Болгарией и Никейской империей, поставил конец попыткам папства втянуть в унию императора Иоанна III (1222–1254). Инициированные случайно попавшими в Никею в 1232 г. монахами-миноритами контакты между папой Григорием IX (1227–1241), константинопольским патриархом (в изгнании) Германом II (1222–1240) и никейским императором положили начало сложным переговорам, о которых только частично можно судить по доступной сегодня документации. Никейско-Нимфейский собор 1234 г., на котором представители двух сторон изложили свои позиции относительно унии, закончился ничем.¹⁶

Между тем в 1232–1233 гг. болгарский царь Иван Асен II (1218–1241), разочаровавшись в надежде стать регентом малолетнего латинского императора Балдуина II, принял решение разорвать отношения с Римом, отослал на Афон благословленного папой Иннокентием III тырновского архиепископа Василия и повел переговоры с Никеей через посредство анкирского митрополита Христофора. Следует отметить, что в византийской и западной традициях сохранился ряд записей относительно прений на соборе 1234 г., но до нас не дошел в целостном виде ни один официальный византийский документ, связанный с постановлениями собора в Лампсаке о возведении тырновского архиепископа Иоакима в патриаршеский сан и об окончательном возвращении Болгарии в лоно православия. Скучные известия Георгия Акрополита об этих событиях¹⁷,

¹² Гагова К. Кръстоносните походи и средновековна България. София, 2002. С. 11–24; Койчева Е. Първите кръстоносни походи и Балканите. София, 2004. С. 26–84.

¹³ Так, например, Ф. Томсон связывает появление некоторых из перечисленных текстов с переводческой деятельностью южных славян в XIV в.: Thomson F. The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy. The Cause of the Old Russia's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky // Christianity and the Eastern Slavs / B. Gasparov, O. Raevsky-Hughes, eds. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. Vol. 1. P. 184 (California Slavic Studies; 16). В последнее время И. С. Чичуров высказал мнение, что греческий антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема оказал ощутимое воздействие на развитие византийской антикатолической полемической традиции (Чичуров И. Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (1054/5 — 1061/2) в составе греческого канонического сборника Vat. Gr. 828 // ВПСТГУ I. 2007. Вып. 3 (19). С. 107–132). Остается неясным, однако, переводились ли в XI–XII вв. подобные тексты на славянский язык в Древней Руси.

¹⁴ Среди этих произведений особое внимание уделено болгарам в анонимной «Повести полезной», посвященной истории отчуждения и разрыва между Римом и Константинополем. Анонимный автор весьма подробно описывает крещение трех варварских народов руками византийских духовников: Болгарии при Борисе-Михаиле, Руси при Владимире и пеонов (венгров) при короле Стефане. С его точки зрения, христианизация болгар стала первым ярким свидетельством торжества византийского православия в период, когда Рим фактически уже отпал от него, причем новообращенные из врагов империи из «волков» превратились в «овец Христовых» и «воссияли светом богоразумия и до сегодняшнего дня»: Попов А. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М. 1875, С. 186–188; Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № XII / Г. М. Прохоров, ред. СПб, 2003. С. 153–154.

¹⁵ См. об этом в последнее время: Флоря Б. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб, 2000. С. 54–58.

¹⁶ Жаворонков П. Никейская империя и Запад (Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством) // ВВ. 1974. Т. 36. С. 106–108; Chadwick H. East and West: The Making of a Rift in the Church. From Apostolic Times Until the Council of Florence. Oxford, 2003. P. 238–243.

¹⁷ Georgii Acropolitae Opera / A. Heisenberg, rec. Lipsiae, 1903. Vol. 1. P. 49–50; Георгий Акрополит. История / П. И. Жаворонков, пер., вступ. стат., комм., прил. СПб, 2005. С. 70–71, 215; George Akropolites. The History / R. Macrides, introd., transl., comm. Oxford, 2007. P. 194 (§ 33). 196 (N. 7). См. также позднее и весьма запутанное греческое «Афонское сказание» (Iliev I. Narratio Athonensis ad Annum MCCXXXV // Bulgarian Historical Review. 1991. № 1. P. 74–81) и пересказ сообщения Акрополита в краткой византийской хронике кон. XIV в. (Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. W., 1975. T. 1. S. 680 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; XII/1)). Обзор событий и литературы: Цанкова-Петкова Г. Восстановление болгарского патриаршества в 1235 г. и международное положение болгарского государства // ВВ. 1968. Т. 28. С. 136–150; Божилков И. Фамилията на Асеневи (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 81–83; Данчева-Василева А. България и Латинската империя (1204–1261). София, 1985. С. 133–138; Гюзелев В. Православната и

однако, можно дополнить и существенно обогатить болгарским рассказом о соборе 1235 г. В нем подчеркивается, что никейский император Иоанн III попросил всех православных патриархов: константинопольского Германа, иерусалимского Афанасия, антиохийского Симеона и александрийского Николая — письменно подтвердить свое согласие «провозгласить и дать патриаршеский чин, равный вашему, тырновской церкви Вознесения Христова — матери всем церквам в Болгарском царстве, поскольку и христоробивый болгарский царь Иоанн Асен, брат моего Величества и сват, сердечно желает получить этот дар для своего царства от моего Величества и Вашего Святейшества».

Собор в Лампсаке был созван именно после получения соответствующих писем от трех восточных патриархов, а сам акт возведения тырновского патриарха состоялся в присутствии множества никейских и болгарских митрополитов, архиепископов, епископов и афонских монахов: «И, собравшись вместе с никейским царем на Понтийском море, провозгласили патриархом архиепископа Иоакима, благоговейного и святого мужа, воссиявшего своими делами и постнической жизнью, и не только устно, но и с подписью патриарха Германа. И все восточные епископы положили свои подписи, которые скрепили печатями и передали благочестивому царю и новопосвященному тогда патриарху Иоакиму на вечную и неуничтожимую память. Поэтому, прочее, мы записали эти вещи для всех православных — на знание тех, кто слушает, и на память болгарскому роду»¹⁸.

Автор этого повествования, очевидно, воспринимал возобновление Болгарской патриархии как торжество православного единства в противовес поползновениям Римской церкви и связанной с ней Латинской империи с столицей в Константинополе. И вовсе не случайно, что это произведение было помещено не только в Синодик Болгарской церкви, но попало и в состав рукописных сборников¹⁹, которые включали не только уже перечисленные «классические» антикатолические тексты, но и славянские переводы некоторых документов Никейско-Нимфейского собора, чем недвусмысленно подчеркивалась непосредственная связь событий 1234–1235 г., нанесших серьезный урон восточной политике папства²⁰.

Другой характерной чертой сборников этого типа стала тенденция к слиянию болгарского патриотизма с православием. Об этом свидетельствует помещаемое в них *Краткое житие св. Кирилла Философа* (так называемое *Успение Кириллово*), в котором просветителю славян приписано болгарское происхождение («родомъ сый блъгаринь»), а его деятельность в качестве учителя православия распространена не только на нехристианские или недавно крещенные народы на периферии обитаемого мира, но и на самих жителей Рима: «Мнози же людей от римлянь прихождахоу къ нему. и оучаше их православию. они же въ сласть приемахоу оучения его»²¹.

Вопрос о времени возникновения этого типа сборников антикатолической направленности нельзя решить с категоричностью, но не подлежит сомнению, что они являлись элементом политики болгарской церковной элиты и отражали некоторые устойчивые тенденции в духовной жизни страны, наметившиеся после 1235 г. Поскольку один из сохранившихся списков *Повести полезной* в составе сборника носит следы вторичной замены этнонима «аламаны» на «каталаны», с уверенностью можно утверждать, что этот набор текстов уже существовал к 1307–1311 гг., когда ситуация на Балканах остро обострилась в связи с сопровождаемой насилием и грабежами попыткой расквартированных первоначально в Галиполи каталанских отрядов утвердиться в области Фессалоники и основать там свое собственное «Македонское королевство»²².

Впрочем, есть все основания полагать, что непосредственным поводом к созданию и распространению этого сборника могла стать заключенная императором Михаилом VIII Палеологом (1261–1282) церковная уния с Римом на Лионском соборе 1274 г. В ответ на акт императора его племянница, болгарская царица Мария — супруга царя Константина Тиха (1257–1277) — категорически воспротивилась унии и приложила немало усилий, чтобы организовать антивизантийскую коалицию при участии патриархов Иерусалима, Антиохии и

католическата църква в историята на българския народ през XIII — нач. на XV в. // Македонски преглед. 1992. № 1. С. 98–99; *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България VII–XIV в. София, 1999. С. 491–493, 499.

¹⁸ *Попруженко М.* Синодик царя Борила. София, 1928. С. 84–87; *Angelov B.* Deux contributions a l'histoire de la culture mйdievale bulgare // *Byzantinobulgarica*. 1973. Т. 4. Р. 82–83.

¹⁹ В наиболее чистом виде состав сборника отразился в двух рукописях — № 12 библиотеки монастыря Святой троицы возле Плевля (Черногория) второй половины XIV в. и № 11 рукописного собрания Народной библиотеки Сербии в Белграде кон. XIV в. См.: *Nikolov*. Op. cit. P. 104, 107. К приведенной там литературе следует добавить еще: *Велев И.* Средновековни книжевни антологии. Раконписните антологиски зборници во македонската книжевна традиција. Скопје, 2000. С. 110–114 (описание белградской рукописи); *Пон-Атанасов Ѓ.* Уште еднаш за Краткото Кирилово житие и за неговите преписи // Кирилметодиевистика. Скопје, 2004. Т. 2. С. 199–220 (публикация текста Успения Кириллова по спискам в двух интересующих нас рукописях).

²⁰ Как основательно отмечал В. Гюзелев, приезд нового тырновского архиепископа Иоакима в Никею с целью получить благословление со стороны патриарха Германа в начале 1234 г. «разрешил окончательно судьбу вехенных со стороны Никеи переговоров на заключение унии с Римской церковью» (*Гюзелев В.* Българската държава и Никея в борба срещу Латинската Цариградска империя (1204–1261) // Известия на Националния исторически музей. 1978. Т. 2. С. 16).

²¹ *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931. С. 287. Об этом источнике см.: *Чешмеджиев Д.* Кирил и Методий в българската историческа памет през средните векове. София, 2001. С. 94–96.

²² *Laiou A.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II 1282–1328. Cambridge (Mass.), 1972. P. 209, 221–223; *Nicol D.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1996. P. 133–135; *Nikolov*. Op. cit. P. 106–107.

Александрии и мамелюкского султана Египта²³. Попытка превратить Тырново в общеправославный центр сопротивления проискам Рима нашла отражение в известной записи грамматика Васи в рукописи от 1276–1277 г., в которой перечисляются «превысокий царь Константин, его царица Мария и их чадо Михаил Багрянородный» и «патриарх Игнатий, столп правоверия»²⁴. Появление интересующего нас антикатолического сборника в этот период является ярким подтверждением того, что около середины 70-х годов XIII в. болгарские правящие круги, вдохновляемые амбициозной царицей, рассматривали Тырново как новый имперский центр («Царьград»), который мог перехватить первенство у отступившего от православия Константинополя²⁵.

THE POINT AND ROLE OF BULGARIA IN THE RELIGIOUS POLEMIC OF THE ORTHODOX EAST AGAINST THE CATHOLIC WEST (on the basis of slavonic translated and original 11th — 14th c. writings)

A. NIKOLOV

The report represents the phases in forming the corpus of Slavonic anti-Catholic writings through the period 11th — 14th c. on the Balkans in the context of the interrelations between the Bulgarian Archbishopric of Ohrid (which replaced the Bulgarian Patriarchate after the Byzantine conquest of Bulgaria in 1018) and Rome, as well as between the Bulgarian Tsardom (since 1185) and Byzantium. The initial core of the corpus included a «dossier» of the Great Schism of 1054 and other related Byzantine anti-Catholic texts from the second half of 11th c. in Slavonic translation. The appearance and quick spread of these writings is evidence of the desire of the Byzantine ecclesiastical authorities to strengthen the loyalty of their Bulgarian flock towards Orthodoxy and the Empire. During the period after the restoration of Orthodoxy and the re-establishment of the Bulgarian Patriarchy in 1235 new translations together with some original anti-Catholic works appeared in Bulgaria. It seems that in the last quarter of the 13th c. a set of such texts took shape as a reaction against the union of Michael VIII Palaeologus with the Roman Church, arranged in Lyons (1274). The manuscript miscellanies containing this collection were copied and enjoyed popularity since 14th c. in Bulgaria, Serbia and Russia.

С. Троянос
(Афинский университет)

НОВЕЛЛЫ ЛЬВА VI И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ¹

В Докладе подробно разбирается и анализируется церковное законодательное творчество императора Льва VI. По мнению автора, новеллы, посвященные церковным вопросам, во многом опираются на каноны Трулльского, VII Вселенских и Двукратного поместного соборов. Автор также предполагает, что император стремился устранить противоречия между действующими законами или правовыми обычаями, с одной стороны, и св. канонами — с другой, или же восполнить пробелы в законодательстве. Этой цели он добивался посредством отмены или модификации старых, противоречащих канонам конституций, а также введением совершенно новых норм.

Помимо кодификационных трудов Льва VI Мудрого (886–912), таких как Василики, Прохирон и Книга Эпарха, его собственно законодательное творчество представлено сборником 113 новелл². История создания

²³ *Georgius Pachymeres*. De Michaele et Andronico Palaeologis libri tresdecim / I. Bekkerus, rec. Bonnae, 1835. Vol. 1. P. 428–429.

²⁴ *Дуйчев И.* Из старата българска книжнина. София, 1944. Т. 2. С. 279–280; *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на старобългарски книжовници X–XVIII век. София, 2003. Т. 1. С. 30–31 (текст), 144–145 (литература). См. также: Старобългарска литература. Энциклопедичен речник / Д. Петканова, съст. София, 1992. С. 76–77.

²⁵ Впервые Тырново назван именем «Царьград Тырново» в записи пресвитера Драгии к рукописному евангелию от 1272–1273 г.: *Дуйчев*. Цит. соч. С. 65; *Христова, Караджова, Узунова*. Цит. соч. С. 31 (текст), 145–146 (литература). Эта политическая концепция получила дальнейшее развитие в годы правления последнего великого болгарского царя Ивана Александра (1331–1371), а отразившие ее тексты (в частности, славянский перевод хроники Константина Манассия) стали одним из источников идеи «Москва — Третий Рим». См.: *Гюзелев В.* Средновековна България в светлината на нови извори. София, 1981. С. 46; *Тычкова-Займова В.* Българо-византийските отношения и концепциите за «Втория» и «Третия» Рим // *Studia balcanica*. 1983. Т. 17. С. 34–35; *Андреев Й.* Тырновската книжовна традиция и идеята за Третия Рим // Тырновска книжовна школа. Т. 3. София, 1984. С. 312–315; *Kaimakamova M.* Turnovo — New Constantinople: The Third Rome in the Fourteenth-Century Bulgarian Translation of Constantine Manasses' *Synopsis Chronike* // *The Medieval Chronicle* / E. Kooper, ed. Amsterdam; N. Y., 2006. Vol. 4. P. 91–104.

¹ Перевод с немецкого — доцента К. А. Максимовича.

² Общие сведения о новеллах Льва см. в работах: *Maridakis G.* (Μαριδάκης Γ.) Τὸ ἀστικὸν δίκαιον ἐν ταῖς νεαραῖς τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατορίων. Athen, 1922. Passim; *Monnier H.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux; P., 1923 (Bibliothèque des Universités du midi; 17); *Spulber C. A.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Cernăuți, 1934 (Études de droit byzantin; 2); *Noailles P., Dain A.* Les Nouvelles de Léon VI le Sage. P., 1944; *Wenger L.* Die Quellen des römischen Rechts. W., 1953 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Denkschriften der Gesamtkademie, 2). S. 705–707; *Michaélidès-Nouaros G.* Les idées philosophiques de Léon le Sage sur les limites du pouvoir législatif et son attitude envers les coutumes // 'Επιστημονική 'Επετηρίς Σχολής Νομικῶν καὶ Οἰκονομικῶν 'Επιστημῶν Ἀριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1960–1963. Т. 8. 25–54; то же самое см.: *Idem.* (Μιχαηλίδης-Νουάρος Γ.) Αἱ φιλοσοφικαὶ καὶ κοινωνιολογικαὶ ἰδέαι Λέοντος ΣΤ' τοῦ Σοφοῦ ἐπὶ τῶν ὁρίων τῆς